

И. А. Бунина 1909—1913 гг.: Автореф. дис... канд. филол. наук. Свердловск, 1989. С. 17.

⁷ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977—1984. С. 114.

⁸ Из переписки И. А. Бунина и М. А. Алданова // Октябрь. 1996. № 3. С. 156. ^{8а} С. 117.

⁹ Литературное наследство. Иван Бунин. М., 1973. Т. 84: В 2 кн. Кн. 1. С. 65.

¹⁰ *Бабореко А. К.* И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1983. С. 61.

¹¹ *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995. С. 137.

¹² Библейская энциклопедия. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.

¹³ *Паустовский К.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 3. С. 473.

¹⁴ *Бунин И. А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 123. ^{14а} С. 143. ^{14б} С. 107. ^{14в} С. 51. ^{14г} С. 93. ^{14д} С. 90.

¹⁵ *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 250.

¹⁶ Мифологический словарь. М., 1991. С. 669.

М. Т. Авдеева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ КАК АРЕАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ПОГРАНИЧЬЯ

В одной из местных газет привлекло внимание любопытное рассуждение: «Как известно, на юге и на западе у нас проживает много так называемых хохлов. Являются ли они украинцами? Конечно, нет. Потому что, собственно говоря, они, сохраняя свои областнические особенности, вот уже несколько веков живут и развиваются в контексте русского языка и русской культуры»¹. Автор не говорит прямо, кем являются эти «хохлы». В статье чувствуется желание пополнить «русское море» за счет «хохлов», но назвать их русскими автор все же не решается. Так кто же они на самом деле? И существуют ли критерии определения их национальной принадлежности? А, может, этого вовсе не нужно делать? Может, наша область — один из заповедных уголков, где еще сохраняется славянское единство? И не надо противопоставлять «областнические особенности», напро-

тив, следует помогать им сохраняться (всем — ведь наша сила именно в единстве многообразия), развиваться и взаимно обогащаться, как это на самом деле и происходит. Такое взаимное обогащение можно наблюдать как в материальной, так и в духовной культуре, стоит только внимательно посмотреть на традиционную одежду, обряды, песенную народную культуру.

Особенно поучительным является сосуществование, взаимовлияние, взаимоподдержка двух языковых систем — говоров южнорусского наречия русского языка и говоров юго-восточного наречия — украинского. Язык, пожалуй, самое глубинное (часто подсознательное) проявление народного духа. И как его ни обезличивай стандартной формулой, канцеляризмом, нормой, наконец, он все равно где-нибудь да прорвется. Эту особенность глубинной памяти (подсознания) отмечают и сами носители языка (говора). Так, жительница одного из сел с украинским (хохлацким?) населением заметила: «Оно як коли таке слово вирветься, шо тоді його й забудеш, такого некажеш ніколи».

Что же касается наших «хохлов», то, наверное, они не украинцы, поскольку поселились в этих местах задолго до того, как названия «Украина», «украинец» стали употребляться в современном значении. Видимо, они полтавчане, или волыняне, или, может, черниговцы — в зависимости от того, из каких мест отправились заселять Дикое Поле — польскую, или слободскую, крайну.

Современные носители говоров с украинской языковой основой не всегда могут себя соотнести с тем или иным народом, но их речь, язык могут идентифицировать специалисты, которые сходятся во мнении, что эта речь до сих пор сохраняет выразительный украинский языковой тип. Это мнение основывается на том, что названные говоры в значительной степени используют фонетические средства и грамматические связи украинского языка, точнее, слобожанских в большинстве случаев говоров юго-восточной диалектной группы.

В течение веков контактируя с говорами русского языка, а в последнее столетие и испытывая влияние его литературной разновидности, украинские говоры, разумеется, претерпели некоторые изменения, в них развились новые явления, к которым можно отнести и спорадические случаи аканья, выражающегося в том, что в отдельных словах диалектоносители произносят *а* на месте этимологического *о*.

Аканье или отсутствие такового — важный различительный признак в характеристике восточнославянских языков и их гово-

ров. Известно, что акающими являются говоры южнорусского наречия, преимущественно акающими — белорусские говоры², аканье выступает и литературной нормой этих двух языков. В украинском языке аканье — характерный признак северноукраинских говоров³. Другие его говоры и литературный язык различают *о* и *а* в любой позиции.

На территории Воронежской области представлены в основном южнорусские акающие говоры и слобожанские говоры юго-восточного наречия украинского языка, различающие *о* и *а*. Поскольку с самого начала, примерно с середины XVII в., территория нынешней Воронежской области заселялась как великороссами, так и черкасами (малороссами), то эти говоры уже более 350 лет находятся в языковом контакте.

Разные уровни языковой системы по-разному реагируют на внешнее воздействие. Так, наиболее подвержен влиянию извне лексический состав языка или говора. Фонетика, как более структурированный уровень, поддается такому влиянию в меньшей степени, поскольку отдельное изменение в структуре может спровоцировать ее существенную перестройку. В целом наиболее очевидный пример таких изменений — последствия так называемого падения редуцированных. Другой пример — распространение аканья. Он не менее убедителен, но менее изучен, так как является более сложным для осмысления и классификации. Достаточно сказать, что, хотя традиционная концепция появления аканья сложилась еще в XIX в., а споры по этому вопросу происходили и на протяжении XX в. (*Иванов С. Обмелеет ли русское море? // Берег. Воронеж. 2002. 4 окт. С. 11*), единого мнения о причинах и времени возникновения аканья не существует и по сей день⁴.

В ходе дискуссий обращалось внимание на «агрессивность» аканья по отношению к оканью и в настоящем. Причины такой агрессии объяснялись влиянием акающих культурных центров (Москва, Минск), русского и белорусского литературного произношения, этнографическим смешиванием окающего и акающего населения⁵ и другими причинами. Хотя используемые при этом определения «окающе-акающие» говоры, «неполное аканье», «остатки аканья» не всегда дают четкое представление о тех фонетических явлениях, которые они призваны характеризовать, обращение к ситуациям взаимодействия языковых систем существенно расширяет и дополняет картину соотношения аканья и оканья на восточнославянской территории.

На наш взгляд, интерес в этом плане может представлять и

языковая ситуация Воронежской области, где соседствуют (и взаимодействуют) говоры русского и украинского языков, которые в равной степени испытывают влияние русского литературного языка как более престижной, образцовой для носителей говоров системы. Украинские говоры дают возможность оценить степень противодействия диалекта воздействию системы близкородственного, но все же иного языка, степень его устойчивости в отрыве от литературного украинского языка и общеупотребительной формы устного его использования. В частности, устойчивости оканья перед влиянием аканья.

Объектом нашего анализа является лексика, содержащая фонологические позиции реального и потенциального аканья, записанная в с. Старо-Толучеево Богучарского района Воронежской области. Село известно с середины XVII в. как сотенное место, заселено было украинскими переселенцами. Этническая однородность сохранялась до 80-х гг. XX в. Средством бытового общения для украинского населения выступает слобожанский говор юго-восточного наречия украинского языка. Официальным языком, языком средств массовой коммуникации, школьного обучения — литературный русский язык. Многие носители говора испытывают затруднения при попытке идентифицировать говор, посредством которого они общаются, а иногда и при определении своей национальной принадлежности. Языковую ситуацию можно охарактеризовать как диглоссийную.

Как уже указывалось, аканье отмечается в основном в северноукраинских говорах, однако немногочисленные примеры произношения *a* на месте этимологического *o* известны и другим говорам украинского языка. В украинском литературном языке отдельные случаи предупредного *a* на месте этимологического *o* закреплены в орфографии (*багатый, багатто, багатство, багаття, багатч, гарячий, гарячка, гаразд, кажати, калач, хазяїн*). Известно 14 случаев производных от названных слов с другим ударением и с закрепленным в орфографии аканьем: *багати́р* (в знач. *богач*), *гаряче́* ? др.⁶ В украинском и российском языкознании такие случаи объясняются в основном ассимиляцией и устным заимствованием из акающих русского и белорусского языков. В говорах может быть представлен ряд слов с *a* на месте этимологического *o*, который не полностью совпадает с рядом, закрепленным правилами литературного языка. Например, в названном выше говоре наряду с перечисленными известны *каря́вий, пага́тний, манасти́ръ, капти́тъ, халогша, спрoхвала́г* (лит. *спроквола*). Некоторое количество таких примеров можно найти в Словаре Б. Гринченко.

В украинском языке шире, чем в русском, представлено чередование *о* и *а* в глаголах, где *а* выступает в формах, обозначающих повторяющееся, многократное действие: *гонити* — *ганягти*, *котигти* — *качагти*, *кроїти* — *крагяти*, *ломити* — *ламагти*, *могтиг*, *змогтиг*, *допомогтиг* — *вимагагти*, *допомагагти*, *схопити* — *хапати* и др. Здесь, как и во многих случаях, отмеченных выше, *а* выступает перед слогом с ударным *а*. Диалектный глагольный ряд с чередованиями также не совпадает с литературным. Так, в обследованном говоре *о*, *а* чередуются в следующих глагольных формах: *вигговорить* — *вигавагрювать* (лит. укр. *виговагрювати*), *установить* — *устанатвлювать* (лит. *устанотвлювати*), *вигростить* — *вирагщувать* (лит. *виروضувати*). Факт наличия данных глаголов и в русском языке склоняет к мысли, что здесь чередование или развилось под влиянием акающего русского произношения, или (что нам кажется более вероятным) глаголы несовершенного вида с поздно развившимся суффиксом *-ува-* (ср. *ростить* — *вигростить*, *становить* — *установить*) говор освоил на новой территории, заимствовав их из русского языка с соответствующим произношением, которое не противоречит уже имеющимся чередованиям. В пользу последнего предположения свидетельствует и употребление глагола *розгаварювать*, при том, что глагол *говорить* не употребляется и его значение передается глаголом *балагкать* с производными *забалагкать*, *побалагкать*, *перебалагкать*, *балагчка*.

Результаты «заимствования аканья» в составе лексики, осваивающейся устным путем и при посредстве русского языка, зафиксированы в украинской литературе XIX в., поскольку официальных правил украинской орфографии не существовало до 1919 г.^{6а} Например, «латинська побрехенька, по нашому розказана» в 1833 г. Г. Ф. Квиткой-Основьяненко, так и называется (с аканьем) «*Салдацькой патрет*»⁷. Современное украинское литературное написание — *солдатський портрет*. Таким образом, один из путей проникновения аканья в окающие говоры — заимствование слов, отражающих это фонетическое явление. Однако далеко не во всех таких словах говора наблюдается аканье. Например, на 320 заимствованных из русского языка слов, зафиксированных в повседневной речи носителей говора, обнаружилось 70 слов с безударным корневым *о* и 47 — с приставочным: *большинство*, *больний*, *болить*, *болтать*, *воротник*, *военный*, *довольный*, *доложиться*, *золотистый*, *конечно*, *кормить*, *обратився*, *отпор*, *отдельно*, *погибнуть*, *невозможно* и др.

Замена *о* на *а* (точнее, заимствование акающего произноше-

ния) в бытовой лексике отмечена в небольшом количестве лексем. Это слова *калгата* (в русском языке просторечное), *крахобор* (рус. устаревшее) и *пагглянок* (рус. диал. *пагголенок*) — единственный зафиксированный нами пример с отражением яканья и полной редукции заударного *о*. Соответствующая стилистическая закреплённость и отнесенность к диалектной системе названных слов говорит об их устном освоении, при этом на раннем этапе существования говора на новой территории, когда пополнение его словаря средствами русского языка могло осуществляться только за счет диалектного материала. В заимствованных глаголах *проважать* и *разговаривать* акающие позиции поддержаны аналогией с чередующимися *о* и *а* в ряде других глагольных корней, о которых говорилось выше. Глагол *проважать* к тому же имеет в говоре синоним *випроважать* с *а* в корне (ср. *проводить*). Форму повелительного наклонения *пашлі* также следует отнести к ряду с заимствованным аканьем, *а* здесь не может ассоциироваться с *о*, так как в соответствующем украинском слове приставочное *о* переходит в *і*: *пішли*, *пішов* и т.д. Случаев замены *о* на *а* в других словах, имеющих в приставках *о*, не отмечено.

Можно полагать, что распространению аканья препятствуют устойчивые межъязыковые соответствия двух фонетических систем. Об этом свидетельствуют гиперизмы типа *попиросо*, *оптека* (у старшего поколения), *коструля*, уст. *посажирка* (автобус), *комисар*, *комісія*, *миткаль* (укр. разг. *папіроса*, лит. *аптека*, *каструля*, *пасажирка* (*пассажирка*), *комісар*, *комісія*, *міткаль*).

По-видимому, препятствует удержанию и закреплению аканья в заимствованных словах и наличие однокоренных слов с *о* в ударной позиции. В наших примерах в таких словах аканья нет: *плотхо*, *плохитй*, *плохегнький*, *плохуватий*, *поплошатло*; *прогзьба*, *просіть*; *строгить*, *строгйка*, *строїтілі*, *строїтільство*; *богльно*, *боліть*, *больнигця* и др.

Важно заметить, что случаев распространения аканья на исконную украинскую лексику говора нет вообще. Так, на 1158 исконных украинских лексем говора, отсутствующих в литературном русском языке, приходится 345 слов с *о* в безударной позиции: *долігва*, *дворицаг*, *добишнитй*, *колитсь*, *лоскотатть*, *погночі*, *сполнаг*, *хворагть*, *штовхагть* и др. Ни в одном из них, кроме оговоренных выше, не зафиксирован переход *о* в *а*. Нет случаев аканья и в бытовой, обозначающей жизненно важные понятия лексике говора, общей для русского и украинского языков: *вода*, *корова*, *дорога*, *собака*, *погода*, *городить*, *косить*, *молотить*, *молодий*, *голодный* и др.

Основной корпус лексики с аканьем представляют преимущественно заимствованные слова, обозначающие понятия, ставшие известными носителям говора сравнительно недавно. Так, в говоре зафиксированы:

алкаголік, бакал, викрайка, вакзал, кампот (исконное — *озвар*), *канвой, кантора, кантроль, кантузія, канфорка (канхворка), калідор* (традиционно — *сіни*), *калонка, матацикл, салдат* (были известны *козак, вояка*), *спарсмен, паравоз, патрет, пантон, чамайдан, донар*. Все эти слова известны и украинскому литературному языку. Они зафиксированы в словарях, разумеется, с различием *о* и *а* в безударной позиции. С большой долей вероятности можно полагать, что и в украинский литературный язык они попали не без помощи русского, который мог выступить как посредник при заимствовании.

Естественно, что при включении какого-либо слова в словарь литературного языка соблюдаются определенные языковые соответствия. Говор же, заимствуя слово устным путем, часто принимает его в той огласовке, в которой оно представлено в языке-источнике (для носителей говора — в русском). При этом заимствование аканья даже в названном слое лексики происходит не всегда (ср. *колхоз, конбай (комбайн), мобілізація, монтажник, торпеда, сортіровка, союзник* и др.), а аканье чаще представлено у традиционного слоя носителей говора, у людей малообразованных, т.е. не знакомых или плохо знакомых с правилами русской орфографии, воспринимающих слово преимущественно на слух.

Таким образом, анализируемый материал показывает, что лексика говора, включающая фонологические позиции потенциального аканья, в ситуации непрерывного воздействия двух важных близкородственных акающих подсистем — эталонного литературного языка и одного из наречий титульной нации — остается достаточно устойчивой. Факторы устойчивости системы разнообразны. Это и бессознательное стремление к сохранению индивидуальности в иносистемной среде, и установившиеся связи в самой системе вокализма говора, и регулирующее действие межъязыковых соответствий, и наличие или отсутствие языковых ассоциаций, и качество соседних согласных⁸, и определенный склад артикуляционной базы говорящих⁹, и, вероятно, какие-то другие, еще не учтенные, факторы, способствующие сохранению говором украинского типа вокализма. Конечно, процесс количественного накопления тех или иных инноваций в языковой системе может рано или поздно спровоцировать и ее качественные изменения. Пока же наличие в говоре проанализиро-

ванной лексики с *a* на месте безударного *o*, на наш взгляд, говорит о колебаниях в системе межъязыковых соответствий соотношения «говор украинского языка — русский язык в его разных проявлениях». Это серьезный признак, который в ряду других¹⁰ свидетельствует о нарушении чувства непрерывности языка у носителей говора.

¹ Иванов Св. Обмелеет ли русское море? // *Берег*. 2002. 4 окт. С. 11.

² См.: *Лінгвістична географія і групоўка беларускіх гаворак*. Мінск, 1969. Карта 310.

³ См.: *Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови*. Київ, 1966. С. 42.

⁴ См.: *Пивторак Г. П. Занепад зредукованих ъ, ь і його вплив на формування фонологічних систем слов'янських мов* // *Мовознавство*. 1998. № 2—3. С. 11.

⁵ См.: *Общеславянское значение проблемы аканья*. София, 1968. С. 81.

⁶ *Український правопис*. Київ, 1994. С. 7. ^{6a} С. 4.

⁷ *Квітка-Основ'яненко Григорій*. Вибрані твори. Київ, 1983. С. 3.

⁸ См.: *Овсянников М. С. Влияние русского языка на вокализм украинских говоров в условиях южнорусского наречия: Дис... .. канд. филол. наук*. Воронеж, 1977. С. 88—90.

⁹ См.: *Шарпило Б. А. Порівняльно-історична характеристика українських говірок східної Слобожанщини (Старобільщини): Дис... .. канд. філол. наук*. Київ, 1956. С. 101.

¹⁰ См.: *Авдеева М. Т. О нарушении «чувства непрерывности языка» в украинских говорах Воронежской области* // *Филол. зап. Воронеж*, 1996. Вып. 7. С. 165—167.

Г. Ф. Ковалев

**НАРОДНАЯ АСТРОНИМИЯ В ГОВОРАХ РУССКОГО
И УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(Воронежская область)**

Если бы когда-нибудь звезды спустились
с неба на землю, как скучно бы нам стало,
как тяжело...

М. М. Пришвин

Воронежская область характеризуется наличием как русского населения, так и значительного числа жителей с родным украинским языком. Жители эти сами себя называют не украинцами, а по традиции — хохлами. Их украинский язык довольно